
ВИКТОРИЯ СЕВЕРИНА
БАССЕЙН
ИЗМЕНА.
ТЫ ПРИКРЫЛСЯ
НАШИМ СЫНОМ!

Виктория Северина

Измена: Ты Прикрылся Нашим Сыном

https://litres.ru/74713692

Аннотация

«Мам, забери меня. Папа сказал ждать, но бассейн уже закрыли». Я мчалась за продрогшим сыном, ещё не зная, что муж в это время был у любовницы. А когда пообещала разобраться с отцом, Егор испуганно спросил: «Он теперь из-за меня уйдёт?»

Девятнадцать лет брака. Несколько месяцев измены. И наш сын, которого Руслан заставил хранить свою тайну. Когда мальчик едва не проговорился, муж убедил меня, что он лжёт. Я наказала Егора, а Руслан купил ему сладости и утешил: мама слишком придирается.

Теперь муж уверяет, что не собирался разрушать семью. Ему всего лишь нужно, чтобы я снова промолчала. Но я уже знаю, кем он прикрывался, пока выбирал между двумя женщинами. И на этот раз правду узнают все, чьим доверием он так дорожит.

Содержание

Глава 1. После закрытия 4
Глава 2. Пока ты его воспитывала 23
Глава 3. Первое 42
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Глава 1. После закрытия

Катя успела снять только один сапог, когда в сумке зазвонил телефон. Она стояла посреди прихожей, придерживая плечом съехавший ремень, а из раскрытой папки под ноги выскальзывали листы с работами первокурсников. На одном, перевёрнутом кверху исписанной стороной, краснело её собственное замечание о незаконченной мысли; Катя наклонилась за ним, выругалась вполголоса и чуть не потеряла равновесие. После последней пары в висках ещё отдавались чужие голоса, в горле саднило от нескольких часов разговора, и хотелось наконец переодеться, поставить чайник и посидеть хотя бы десять минут, прежде чем мужчины вернутся из бассейна. Телефон продолжал звонить где-то под пеналом и связкой ключей. Увидев на экране имя сына, она прижала папку локтем к боку и ответила уже с той усталой улыбкой, с которой обычно выслушивала просьбы разрешить купить что-нибудь по дороге.

— Мам, ты дома? — спросил Егор, и улыбка осталась у неё на лице чуть дольше, чем следовало. В трубке шуршало, будто он тёр микрофон рукавом; потом донёсся шум проехавшей машины. — Можешь за мной приехать? Я возле бассейна. — Катя выпрямилась, перестав собирать листы, и спросила, где отец. Сын не ответил сразу, а когда заговорил, голос у него оказался глухим, стеснённым: — Он пока не

приехал. Я ему звонил, но там… Он не берёт. Ты можешь? — Егор редко просил забрать его таким тоном. Обычно он начинал объяснять, почему автобус неудобный, почему у Кости родители гораздо проще относятся к поздним возвращениям и почему именно сегодня совершенно невозможно добраться самому. Сейчас ничего этого не было, только короткий вдох возле самого микрофона.

Катя посмотрела на часы над дверью: начало десятого. По вторникам тренировка заканчивалась в восемь, но домой они с Русланом нередко приезжали позже — заходили поесть, обсуждали что-то своё, иногда возвращались с покупками. За последние месяцы Катя даже привыкла радоваться этим задержкам. Егор всё чаще отвечал ей через силу, раздражался из-за простых вопросов, закрывался в комнате, а с отцом словно становился легче, охотнее смеялся и рассказывал о школе. Руслан говорил, что мальчику в его возрасте нужно мужское общение, и Катя соглашалась, благодарная хотя бы за то, что не приходится напоминать мужу о собственном сыне. Сейчас она придержала носком снятый сапог, сунула в него ногу и, стараясь не повышать голос, спросила, давно ли Егор ждёт.

— С тренировки, — ответил он после небольшой паузы. Катя уже взяла автомобильные ключи, но остановилась, не доведя руку до кармана: это получалось больше часа. — Он писал, что скоро будет. Я сначала внутри сидел, там ещё люди были. А потом вышел, думал, он подъехал, и они закры-

ли. — Сын торопливо заговорил громче, словно теперь собирался объяснить заодно всё остальное, однако снова замолчал. Катя велела ему оставаться у освещённого входа и сказала, что будет минут через десять. Она хотела спросить, почему он не позвонил раньше, но услышала, как у него стучат зубы, и вместо этого спросила про капюшон. Егор ответил, что капюшон на нём, и поспешно отключился, оставив у неё неприятное ощущение, будто разговор закончился не потому, что они обо всём договорились.

На лестнице пахло мокрыми куртками и чьим-то жареным луком. Катя сбежала вниз, на ходу застёгивая пальто, и только возле машины обнаружила, что так и держит в другой руке несколько листов с работами. Она бросила их на соседнее сиденье, завела двигатель и попыталась вспомнить, говорил ли Руслан о каких-нибудь делах после бассейна. Утром муж стоял возле кухонного окна с чашкой кофе, просматривал сообщения и спросил, поздно ли она сегодня заканчивает. Катя ответила, что обычное расписание, а он кивнул и сказал, что они с Егором тогда сами. Ничего о перемене планов не было. Она даже успела порадоваться, что вечером не придётся торопиться домой, хотя теперь это воспоминание почему-то раздражало сильнее, чем оставшиеся в прихожей бумаги.

Октябрьский дождь закончился недавно, и двор блестел под фонарями, залитый грязной водой вперемешку с прилипшими листьями. На выезде пришлось подождать, пока

мужчина с коляской обойдёт лужу, потом Катя попала за медленно поворачивающим автобусом и стиснула руль, чувствуя, как вместе с тревогой поднимается злость. Руслан мог хотя бы позвонить. Всякое случается, у него действительно бывали поздние рабочие разговоры, но Егор не должен был сидеть после занятия и гадать, приедут за ним или нет. Она уже приготовила первые слова для мужа, когда вспомнила сентябрьский вечер: сын тогда тоже путался, говорил сначала про ужин, потом про какое-то ожидание, а Руслан объяснил, что пришлось его искать. Катя запретила обещанную ночёвку у Кости и ещё долго злилась на обоих — на одного за враньё, на другого за то, что слишком легко отнёсся к случившемуся. Неужели опять что-то похожее?

У бассейна почти все машины уже разъехались. За стеклянными дверями было темно, только в глубине холла горел небольшой свет, освещая край стойки и несколько пустых стульев. Егор стоял под козырьком, прижав к ноге спортивную сумку, и смотрел не на подъезжавшую машину, а дальше, в сторону перекрёстка. Катя узнала его раньше, чем увидела лицо: по сутулым плечам, по манере прятать руки в рукава, по нелепо длинным ногам в недавно купленных брюках, которые уже начинали открывать щиколотки. Он заметил её, быстро поднял сумку и пошёл навстречу, будто боялся, что она остановится недостаточно близко. Катя наклонилась через сиденье, убирая бумаги, и распахнула перед ним дверь.

— Садись скорее, — сказала она, подхватывая сумку, застрявшую между его коленями и дверцей. От ткани потянуло хлоркой и сыростью; на ремне блестела вода, а пальцы у сына были такими холодными, что Катя невольно задержала его руку в своей. — Господи, Егор. Ты весь продрог. Застегнуться хотя бы нельзя было? — Он молча потянул бегунок молнии, который упирался в загнувшийся край толстовки. Катя поправила ткань, включила обогрев сильнее и развернула к нему решётку тёплого воздуха. Егор опустил сумку под ноги и долго возился с ремнём безопасности, попадая язычком застёжки мимо гнезда. Она хотела помочь, но сын отстранил руку, пробормотал, что сам, и наконец пристегнулся.

Несколько минут они оставались на парковке. Воздух в машине ещё не успел толком прогреться, и Катя сняла шарф, положила Егору на колени, а потом заставила просунуть под него кисти, хотя он возражал, что уже нормально. Лоб под отросшими волосами был холодным, на кончике носа держалась крошечная капля, которую он никак не замечал. Катя достала бумажный платок, протянула сыну и дождалась, пока перестанет так заметно дрожать его нижняя челюсть. Только тогда она снова посмотрела на тёмные двери и спросила, когда именно он вышел. Егор ответил, что не помнит, и это привычное неопределённое слово неприятно задело её: она ведь не требовала ничего сложного, только пыталась понять, что произошло.

— Ты папе сказал, что будешь ждать здесь? — спросила

Катя, стараясь удержать раздражение. Сын кивнул, но смотрел на свои руки, и она продолжила уже строже: — Егор, мы в сентябре это обсуждали. Если договорились, нельзя потом уходить куда тебе захотелось, а остальные должны искать. Ты опять куда-то ходил? — Он вскинул голову так резко, что капюшон съехал на затылок. — Я никуда не ходил, — сказал он, и голос внезапно сорвался. — Я тут сидел. Всё время. Он сказал ждать, я и ждал. — Катя услышала злость, но ещё заметила, как сын сжал под шарфом пальцы, будто пытался удержать их неподвижными. В машине становилось теплее, а Егор по-прежнему был напряжён всем телом.

Она отвела взгляд и убавила вентилятор, который слишком громко гудел между ними. Ей стало неловко из-за того, как быстро она перешла к обвинениям, однако недавнее воспоминание не отпускало: Руслан тогда говорил уверенно, без всякого сомнения, а Егор не сумел толком объяснить, где был. Катя не могла сейчас распутать и тот вечер, и сегодняшний, поэтому спросила только о звонках отцу. Сын ответил, что звонил несколько раз и получал сообщения: сначала надо было немного подождать, потом отец уже собирался ехать, потом писал, что вот-вот будет. Егор решил, что машина подъезжает к боковому выходу, вышел из холла и остался снаружи. Когда двери закрыли, уходить было страшно: отец мог приехать с другой стороны и не увидеть его.

— Он же сказал никуда не уходить, — повторил Егор и наконец посмотрел на мать, словно это должно было объяс-

нить ей всё сразу. Катя провела ладонью по рулю, убирая выступившую на коже влагу, и спросила, почему тогда нельзя было позвонить ей раньше. Мальчик пожал плечами, отвернулся и произнёс что-то про её занятия. — Занятия давно закончились. Да даже если бы не закончились, я бы ответила. Ты не должен сидеть на улице и мёрзнуть, пока я сама догадаюсь, где ты. — Она говорила уже мягче, однако Егор от её слов только сильнее втянул голову в плечи. Катя помолчала, потом взяла телефон с панели. Ей нужен был Руслан, его спокойный голос, внятное объяснение и возможность наконец разозлиться на того, кто устроил эту нелепость.

— Не надо, — быстро сказал сын и подался к ней всем корпусом, насколько позволял ремень. Он не стал хватать телефон, но остановил руку совсем рядом с её запястьем. — Мам, пожалуйста, сейчас не звони. Он всё равно не возьмёт. Мы можем просто домой поехать? — Катя посмотрела на него, не нажимая вызов. Егор явно пытался говорить убедительно, даже улыбнулся коротко и неуместно, показывая, что ничего особенного не случилось. — Я уже согрелся, правда. Тут тепло. Поехали, а? — Эта старательная улыбка была ей неприятно знакома: так сын в последнее время встречал вопросы, на которые не хотел отвечать. Но сейчас у него дрожали губы, и Катя вдруг перестала понимать, от чего именно он всё ещё не может согреться.

— Вы поссорились? — спросила она, положив телефон обратно. Егор замотал головой, слишком поспешно для про-

стого ответа, и Катя почувствовала, как раздражение снова подступает к горлу. — Тогда почему нельзя ему позвонить? Я хочу узнать, что случилось. Ты здесь больше часа один, Егор. Мы приедем, и я всё равно буду с ним разговаривать. — Сын опустил глаза, сдвинул на коленях её шарф и принялся разглаживать край, где торчала короткая нитка. Он тянул её ногтем до тех пор, пока Катя не накрыла ткань ладонью. Только после этого мальчик спросил, почти не разжимая губ: — Мам, а папа теперь уйдёт?

Катя не сразу поняла вопрос. Снаружи проехала машина, свет фар скользнул по Егорову лицу, на секунду высветив мокрые ресницы и красное пятно возле носа. Ей захотелось переспросить громче, будто дело было в том, что она плохо расслышала, но сын смотрел на неё так пристально, что слова застряли. — Куда уйдёт? — произнесла она наконец, чувствуя, как становится тесно под застёгнутым пальто. Егор сглотнул, не отводя глаз. — От нас. Совсем. — Он сказал это уже яснее и тут же отвернулся к стеклу, а Катя осталась сидеть, положив ладонь поверх шарфа и его неподвижных пальцев. За девятнадцать лет брака они с Русланом ссорились, бывало, молчали друг на друга по полдня, но при сыне никогда не обсуждали расставание. Она не знала, откуда у него взялся этот вопрос.

— Почему ты об этом спрашиваешь? — Катя заставила себя говорить тише, хотя сердце било быстро и сильно, мешая подобрать обычные слова. Егор пожал плечами и отве-

тил, что просто спросил, а потом потянулся к кнопке стеклоподъёмника, будто ему вдруг потребовалось занять руки чем-то другим. Она остановила его, назвала по имени и дождалась, пока он повернётся. — Посмотри на меня. Я сейчас сержусь, потому что ты замёрз и я ничего не понимаю. Но ты правильно сделал, что позвонил. Слышишь? — Мальчик кивнул, не встречаясь с ней взглядом, и тихо попросил ехать домой. Катя завела разговор о том, не промокли ли у него ноги, позволила ему ответить коротким отрицанием и включила передачу. Она уже не могла продолжать расспросы возле этого закрытого входа, где сын так старательно ждал отца.

По дороге Егор сидел тихо, только раз попросил сделать обогрев слабее и убрал руки из-под шарфа. Катя следила за огнями впереди, останавливалась на светофорах и ловила себя на том, что ищет среди встречных машин Русланову, хотя не могла бы объяснить, зачем. Ей хотелось, чтобы он уже оказался дома, открыл дверь, удивился их позднему возвращению и сказал что-нибудь простое, после чего можно было бы перестать думать об этом странном вопросе. Муж умел успокаивать её — иногда одним движением, ладонью на затылке, коротким прикосновением губ к виску. Катя любила эту его уверенность, даже когда сердилась на покровительственный тон. Сейчас она пыталась заранее услышать знакомое объяснение и не находила такого, которое подходило бы к Егорову лицу в свете автомобильных фар.

В лифте сын стоял рядом, прижав к боку сумку, и Катя

заметила, что он почти сравнялся с ней ростом. Ещё весной макушка упиралась ей куда-то в скулу, а теперь приходилось чуть поднимать голову, чтобы посмотреть в глаза, когда он не сутулился. На его куртке темнело пятно от мокрого ремня, на кроссовке прилип берёзовый лист. Катя сняла его пальцами и вдруг почувствовала такую острую нежность, что захотелось обнять сына прямо здесь, между исцарапанной стеной и дребезжащими дверями. Она уже подняла руку, но Егор повернулся к загоревшемуся номеру этажа, и Катя только поправила съехавшую лямку сумки. Сегодня ей всё время мешало ощущение, что любое лишнее движение может снова заставить его замолчать.

— Снимай мокрое и переодевайся, — сказала она в прихожей, подбирая оставшиеся на полу листы. Егор посмотрел на разбросанные работы и тихо спросил, не прервал ли её, а Катя, распрямляясь, ответила слишком резко, что бумаги подождут. Сын сразу опустил глаза, и ей пришлось остановиться, пока раздражение не прозвучало снова. — Я их уронила, когда ты позвонил. Ничего с ними не случилось, Егор. Иди переоденься, а я пока суп разогрею. — Он кивнул и понёс сумку в ванную, не волоча по полу, как делал обычно. Катя осталась у вешалки, сжимая неровную пачку, и поняла, что мальчик уже второй раз за вечер извиняется перед ней за то, что понадобилась помощь.

На кухне было тепло, пахло яблоками, лежавшими в открытой корзинке, и едва заметно — вчерашним куриным бу-

льоном. Катя поставила кастрюлю на плиту, достала тарелку и машинально отодвинула Русланову чашку, оставленную утром у края стола. На блюдце застыл коричневый след кофе; муж постоянно забывал допивать последние два глотка, и она годами ворчала по этому поводу, продолжая убирать за ним чашки. Возле холодильника висел семейный снимок с летней поездки: Егор смеялся, зажмурившись от солнца, Руслан держал руку у неё на талии. Катя не стала рассматривать фотографию, только сняла с нижнего магнита бумажку с расписанием сына и проверила время вторничной тренировки. Она помнила его правильно, до восьми. Бумажка почему-то осталась у неё в руке, пока суп не начал подниматься мелкими пузырями у края кастрюли.

Егор вернулся в домашних брюках и старой толстовке, которую Катя уже несколько раз собиралась выбросить. Манжеты стали коротковаты, зато носил он её охотнее всех новых вещей; сейчас знакомый растянутый ворот немного успокоил Катю, вернув сыну обычный домашний вид. Он сел за стол, отложил телефон возле локтя и сразу потянулся за хлебом, хотя потом будто вспомнил, что ещё не всё сказал.
— Папе написал, — сообщил он, не поднимая головы. — Что я дома. — Катя придвинула тарелку и спросила, ответил ли тот. Егор покачал головой, взял ложку и слишком быстро поднёс ко рту; обжёгся, закашлялся, стал дуть на суп. Она налила ему воды и села напротив, стараясь больше не смотреть на телефон.

— Мам, ты только не говори, что я тебе звонил, ладно? — попросил Егор, когда немного поел. Он вылавливал из тарелки морковь и складывал на край, как в детстве, хотя обычно сердился, если Катя это замечала. — Я же мог сам приехать. На автобусе. — Катя опустила ладони на колени, чтобы не потянуться снова к его руке, и спросила, зачем теперь говорить про автобус, если она его забрала. Сын пожал плечами, уронил кусочек моркови обратно в суп и вытер ложку о хлеб. — Просто не надо, — пробормотал он. — Вы начнёте… — Он не закончил, но Катя вспомнила, как сегодня в машине уже успела сослаться на сентябрьское наказание. Ему, наверное, казалось, что она только и ждёт возможности пожаловаться Руслану на новый проступок, а потом они опять будут обсуждать Егора вдвоём, уверенные, что мальчик сам во всём виноват.

— Я погорячилась там, в машине, — сказала Катя, и сын настороженно поднял глаза. Ей было трудно подобрать продолжение, потому что она всё ещё не понимала, что произошло, а Егор ждал от неё гораздо большего, чем извинение за тон. — Не надо было сразу про сентябрь начинать. Сегодня ты меня попросил приехать, я приехала. Мы с папой сами поговорим, тебе не нужно придумывать, как ты добрался. — Мальчик покрутил ложку, потом снова принялся есть, но напряжение из его лица не ушло. Катя не стала добиваться, чтобы он посмотрел на неё и обязательно согласился. Она взяла хлебницу, ссыпала в ладонь оставшиеся на дне крош-

ки и отошла к раковине, давая ему возможность закончить ужин без её непрерывного внимания.

Телефон коротко завибрировал по столу, и Егор схватил его прежде, чем Катя успела обернуться. Он прочитал сообщение, провёл большим пальцем по краю чехла и сказал, что отец уже едет. Катя спросила, что случилось, а сын, не отрывая глаз от экрана, ответил почти дословно: задержали по работе, освободился, по дороге возьмёт что-нибудь поесть. Больше ничего не было. Руслан не спросил, как мальчик добрался, долго ли пришлось ждать и успел ли он зайти внутрь, когда стало холодно. Катя поймала себя на том, что ждёт именно этих вопросов, хотя муж их не задал и вряд ли собирался задавать следом. Егор набрал короткий ответ, положил телефон экраном вниз и вдруг принялся доедать гораздо быстрее.

Катя унесла из ванной мокрое полотенце, расправила его на сушилке и вернулась за брошенным на край ванны пакетом с плавками. Вода оставила под спортивной сумкой небольшую лужу; она промокнула её тряпкой, выжала тряпку, задержала руки под струёй и только тогда поняла, что сама всё ещё ходит в уличной блузке и не расстегнула верхнюю пуговицу. Ткань натирала шею, ступни ныли после целого дня в сапогах. Катя переоделась в домашнюю кофту, собрала волосы и посмотрела в зеркало над раковиной. Лицо было усталым, с красными следами от шарфа на щеках, и она услышала в памяти Русланово привычное замечание, что

нельзя так выматываться из-за работы. Наверное, он скажет это и сегодня. Катя уже знала, как прозвучит первая мягкая насмешка, и от этого ожидания у неё снова свело челюсти.

Когда она вернулась на кухню, Егор ставил на стол вторую тарелку. Он достал вилку для отца, положил рядом салфетку и спросил, нужно ли разогреть ещё супа, хотя обычно после тренировки торопился скрыться в комнате, оставив собственную посуду там, где поел. Катя ответила, что Руслан разберётся, и предложила сыну идти отдыхать. Егор не пошёл, вместо этого поправил хлебницу и начал рассказывать, что сегодня у него наконец получилось хорошо пройти последний отрезок. Катя слушала, задавала вопросы, стараясь следить за рассказом, но замечала, как он прислушивается к каждому звуку за входной дверью. Про плавание мальчик говорил всё тише; когда на лестничной площадке остановился лифт, он оборвал фразу на середине.

Руслан вошёл с двумя большими пакетами и прижал дверь пяткой, чтобы поставить покупки на пол. На плечах пальто темнели мелкие капли, шарф был небрежно продет под воротник; муж выглядел слегка уставшим, но вполне довольным, как после удачно законченного длинного дня. Увидев Катю, он приподнял пакеты и сообщил, что взял её любимый сыр и ещё тёплый хлеб. — Егор дома? — спросил он уже по привычке, хотя только что переписывался с сыном, и тут же увидел его в дверях кухни. — А, вот он. Ну что, пловец, вымотался? — Мальчик пожал плечами и шагнул впе-

рёд за одним из пакетов. Руслан позволил забрать покупки, снял пальто, небрежно стряхнул воду с рукава и повернулся к жене так естественно, будто они расстались всего несколько минут назад.

Он положил ладонь ей на спину и коснулся губами виска, а Катя не успела отстраниться. От мужа пахло прохладным воздухом, знакомым одеколоном и свежим хлебом из раскрытого пакета; пальцы легли на то самое место под лопаткой, где он обычно гладил её по утрам, проходя мимо. Тело отозвалось раньше мысли: Катя чуть подалась к нему, привыкшая к этому короткому домашнему прикосновению. Только потом вспомнила, как держала в машине ледяную Егорову руку, и выпрямилась, не позволив объятию продолжиться. Руслан заметил движение, но принял его за обычное недовольство поздним приходом. — Не сердись, — сказал он негромко, заглядывая ей в лицо. — Сейчас всё расскажу. Там такая ерунда на работе вышла, что никого не отпустишь, пока сам не разберёшься.

Егор поставил покупки на кухонный стол и начал доставать хлеб, контейнер с салатом, небольшой бумажный пакет с выпечкой. Увидев знакомую булочку с сыром, он замер на секунду, а Руслан, проходя мимо, потрепал его по затылку и сказал, что специально взял последнюю. Катя смотрела, как сын коротко улыбнулся отцу, потом сразу перевёл взгляд на неё и убрал руку от пакета. Эта поспешная оглядка задела сильнее, чем сам Русланов приход: Егор словно проверял,

имеет ли право обрадоваться, пока мать стоит с таким лицом. Катя заставила себя разжать губы и велела ему взять булочку с собой, если ещё голоден. Сын ответил, что супа хватило, но всё-таки придержал бумажный пакет возле края стола, не решаясь ни оставить, ни забрать.

— Иди в комнату, Егор, — сказала Катя, подхватывая пустую тарелку. Он тут же потянулся помочь, однако она отодвинула посуду к раковине и посмотрела ему в лицо. — Ты замёрз, устал и уже поел. Я сама уберу, а ты отдыхай. Завтра рано вставать. — Сын оглянулся на отца; Руслан кивнул, добавив, что нечего торчать на кухне до ночи, и принялся искать нож для хлеба. Егор вышел, но задержался в коридоре, будто хотел ещё что-то сказать. Катя подошла к дверному проёму и тихо повторила, что звать его не будет. Только после этого он пошёл к себе, унёс булочку и закрыл дверь осторожнее обычного, почти без звука.

Руслан нашёл нож, надрезал бумажную упаковку и спросил, почему Катя не садится. Она осталась возле стола, опираясь пальцами на спинку стула, и сказала, что забрала сына от закрытого бассейна. Муж поднял голову с лёгким удивлением, словно услышал о необязательной поездке, которую вполне можно было не совершать. — Он написал, что дома, — ответил Руслан, отламывая кусочек корки. — Я думал, сам доехал. Там же автобус рядом, ему не пять лет. — Катя напомнила, что он велел Егору ждать, и Руслан кивнул, не переставая жевать. Он собирался приехать, разумеется, про-

сто не получилось вовремя; ситуация на работе затянулась, телефон какое-то время лежал без звука, а дальше он уже увидел сообщение, что всё нормально. По тому, как спокойно муж объяснял последовательность событий, Катя поняла, что для него разговор почти закончен.

— Там не было ничего нормального, — сказала она и сама услышала, как изменился голос. Руслан отложил хлеб, но Катя продолжила, прежде чем он успел ответить: — Он сидел после тренировки больше часа. Потом вышел, потому что решил, что ты подъехал. Двери закрыли, он остался на улице. Ты несколько раз писал, что сейчас будешь. Что мешало позвонить мне и сказать, чтобы я его забрала? — Муж вздохнул и потянул к себе стул, приглашая её успокоиться одним этим неторопливым движением. Катя слишком хорошо знала его привычку садиться посреди неприятного разговора: рядом с ним, спокойным и рассудительным, ей самой начинало казаться, что она говорит громче, чем нужно. Но сегодня она не села и не убрала руки со спинки стула.

— Катя, ты очень устала, — произнёс Руслан именно тем голосом, который она вспоминала возле зеркала. Он смотрел прямо на неё, уверенно, почти ласково, и от этого хотелось отойти подальше. — Я понимаю, ты приехала, увидела его одного, разволновалась. Только не надо теперь делать так, чтобы он сам поверил, будто произошло что-то ужасное. Ты его в машине опять расспрашивала? — Катя почувствовала, как ноготь упёрся в жёсткий шов обивки. Она действительно

расспрашивала Егора, действительно рассердилась и напомнила о сентябре, и муж уже воспользовался этим, хотя ещё ничего толком не услышал. При обычной ссоре она стала бы объяснять, что не кричала и только хотела понять, почему сын не звонит. Сейчас ей пришлось сделать усилие, чтобы не начать оправдываться вместо него.

За стеной негромко скрипнул Егоров стул, и оба на мгновение замолчали. Катя посмотрела в коридор, потом вернулась взглядом к мужу и сказала тише: — Когда я собралась тебе позвонить, он попросил не звонить. А когда сказала, что всё равно буду с тобой разговаривать, спросил, уйдёшь ли ты от нас. — Руслан перестал двигать лежавший возле тарелки нож. Он ещё несколько секунд смотрел на Катю с тем же выражением, но потом перевёл глаза на дверь сына. Она дождалась, пока муж снова посмотрит на неё, и добавила: — Он боялся не того, что я его накажу. Он боялся, что после моего звонка ты уйдёшь из семьи. Объясни мне, почему он вообще об этом думает.

Руслан убрал руку от тарелки и медленно откинулся на спинку стула. Теперь он больше не предлагал ей поесть, не рассказывал о покупках и не пытался улыбнуться; взгляд ещё раз скользнул к коридору, где за закрытой дверью сидел Егор. — Что он тебе рассказал, Катя? — спросил муж, и в этой осторожности она услышала то, чего не было ни в одном его объяснении про работу. Ей стало тяжело стоять, но она только крепче обхватила спинку стула, чувствуя под пальца-

ми знакомую потёртую ткань. — Сначала я хочу услышать тебя, — ответила Катя, не отводя глаз. — Где ты был, пока он ждал?

Глава 2. Пока ты его воспитывала

Руслан посмотрел на её руки, обхватившие спинку стула, и потянулся к лежавшему возле тарелки телефону. Катя успела заметить, как он нажал боковую кнопку, хотя экран и без того был тёмным, а потом отодвинул телефон подальше от хлебных крошек. Раньше она не обратила бы внимания на это движение. Муж постоянно что-нибудь проверял, отвечал, откладывал аппарат и через минуту снова брал его, но сейчас он словно искал, чем занять пальцы, пока она ждёт ответа. Из комнаты Егора больше не доносилось ни звука, только холодильник гудел за спиной и слабо дребезжала крышка стоявшей на нём коробки. Катя помнила, что давно собиралась переставить её на полку, и неожиданно разозлилась на себя за эту ненужную мысль, втиснувшуюся между её вопросом и Руслановым молчанием.

— Я уже сказал, что задержался, — наконец произнёс он и поднял глаза. В голосе появилась осторожная усталость, которой обычно сопровождались объяснения очевидного. — Мне теперь по минутам рассказывать, что произошло? Егор приехал домой, с ним всё в порядке. Давай сначала успокоимся и разберёмся, что он тебе наговорил. — Катя почувствовала, как под ладонью продавилась обивка стула, и заставила себя отпустить её. Она всё ещё стояла, хотя ноги устали так сильно, что хотелось сесть прямо на пол возле кухонного

шкафа. Муж приглашающе подвинул соседний стул, но она покачала головой и спросила, что именно сын должен был от неё скрывать. Руслан коротко свёл брови, словно вопрос показался ему неправильно сформулированным, и снова посмотрел в сторону коридора.

— Почему сразу скрывать? — спросил он, убирая руку со стула. — У него сейчас возраст такой, он всё воспринимает… Ты же сама говорила, что из него слова не вытянешь. — Катя помнила этот разговор: она жаловалась, что Егор перестал рассказывать о школе и отвечает так, будто любой вопрос заранее означает недовольство. Руслан тогда слушал внимательно, даже отложил телефон, а потом предложил самому поговорить с мальчиком. Теперь он напоминал об этом с той же готовностью помочь, и Катя с трудом удержалась от привычного согласия. — Я спрашиваю не про его возраст, — сказала она, чувствуя, как пересыхает рот. — Ты услышал, что он боится твоего ухода, и сразу спросил, что он мне рассказал. О чём, Руслан? Что я могла от него узнать?

Муж выдохнул через нос и провёл ладонью по лицу. На секунду Катя почти поверила, что он сейчас рассердится по-настоящему, назовёт её подозрения нелепыми и достанет какое-нибудь сообщение, после которого всё окажется объяснимым. Ей хотелось получить это объяснение, даже если ради него придётся признать, что она опять погорячилась. Но Руслан заговорил о встрече, которую нельзя было перенести, потом поправился, что речь вообще шла не о работе в обыч-

ном смысле, а о личном разговоре. Катя слушала, не перебивая, и замечала, как осторожно он выбирает слова, хотя несколько минут назад рассказывал о задержавших его рабочих делах свободно и подробно. Когда он сказал, что некоторые вещи она могла бы понять неправильно, она наконец придвинула к себе стул и села.

— Ты был с женщиной? — спросила Катя. Вопрос прозвучал негромко, почти буднично, и от этого стало ещё хуже: словно она уточняла, кому принадлежит забытая в машине вещь. Руслан перестал растирать переносицу, посмотрел на неё и после короткой паузы сказал, что не хотел разговаривать об этом ночью. Катя почувствовала, как под столом ступня сама отодвинулась назад, упираясь носком в ножку стула. — Я сейчас не о времени спрашиваю. Ты был с другой женщиной? — повторила она, и муж кивнул, не отводя глаз. Ей показалось, что воздух из кухни куда-то ушёл, хотя окно оставалось закрытым и всё вокруг стояло на прежних местах. Она смотрела на его лицо, ждала продолжения и только через несколько секунд поняла, что всё ещё задерживает дыхание.

— Есть одна знакомая, — сказал Руслан и сразу наклонился вперёд, будто хотел не дать ей услышать в этих словах лишнее. — Мы встречаемся. Катя, это не то, что ты сейчас себе представляешь. Я никуда не собирался уходить. Ни от тебя, ни от Егора. — Он говорил уверенно, с нажимом на последних словах, словно сообщил главное и теперь ожи-

дал, что она удержится именно за это. Катя увидела его руку возле своей, отодвинула пальцы и спросила имя. Руслан помедлил, потом ответил, что её зовут Диана. Незнакомое имя ничего не объясняло, но Катя зачем-то повторила его про себя, пытаясь соединить с лицами женщин, которых когда-либо видела рядом с мужем. Ни одно не подходило; она не знала ни её голоса, ни возраста, ни того, как та смотрела на Руслана.

— Давно? — спросила Катя, и муж отвёл взгляд к окну. Он начал объяснять, что сначала они просто общались, познакомились в спортивном клубе и не собирались ни во что это превращать, но Катя остановила его, не повышая голоса. — С какого месяца? — Руслан потёр большим пальцем край столешницы и сказал, что с февраля. Она смотрела на его палец, скользивший по небольшому сколу, и перебирала месяцы, не сразу понимая, зачем ей это нужно. Февраль, март, весна, потом лето; их июньская поездка, августовские покупки Егору к школе, недавняя годовщина. Руслан продолжал говорить, что между ними с Дианой не было никаких серьёзных планов, а Катя всё ещё считала, потому что восемь месяцев никак не помещались в короткое слово «знакомая».

Три недели назад она стояла перед зеркалом в спальне и не могла застегнуть платье. Молния застревала на спине, пальцы соскальзывали с маленького бегунка, а Руслан, уже готовый к выходу, подошёл сзади и убрал её руки. Он застегнул платье, поправил край ткани возле шеи и задержался гу-

бами у открытого плеча; Катя тогда засмеялась, попросила не мять её перед рестораном и прислонилась к нему на короткое мгновение. Егор выглянул из своей комнаты, сказал, что они красиво смотрятся, и потребовал привезти что-нибудь вкусное. Катя помнила всё до неловкости ясно: ремешок туфли, который пришлось застёгивать сидя, запах Русланова одеколона, своё лёгкое раздражение из-за опоздания. Она не готовилась переживать последний счастливый семейный вечер. Она просто собиралась отметить девятнадцать лет их брака.

В ресторане муж слушал её рассказ о новых студентах, подшучивал над тем, что она даже в чужом меню замечает ошибки, и заказал десерт, который Катя сначала обещала только попробовать, а потом почти целиком съела сама. Позже они обсуждали следующий отпуск: Егор к тому времени ещё подрастёт, захочет больше свободы, можно будет оставить ему возможность гулять с друзьями и чаще бывать вдвоём. Катя слушала Руслана и представляла тёплый вечер у воды, его ладонь у себя на пояснице, отсутствие необходимости наутро куда-то спешить. Дома он первым выключил свет в коридоре и позвал её в спальню. Теперь она сидела напротив того же человека в той же квартире и пыталась понять, куда в тот вечер помещалась Диана, о которой она не знала ничего, кроме имени.

— На годовщину ты тоже уже с ней встречался, — произнесла Катя. Это был не вопрос, однако Руслан ответил, что

их годовщина вообще не имеет отношения к происходящему. Она подняла на него глаза, и он поспешно добавил, что для него всё было настоящим: и их брак, и тот вечер, и желание провести время с женой. — Я тебя люблю, — сказал он с усилием, как будто именно это она упорно не желала понимать. — Не надо сейчас перечёркивать всё, что у нас есть. Я же дома. Я с тобой разговариваю. — Катя посмотрела на тарелку, которую Егор предусмотрительно поставил отцу, на хлеб, принесённый после встречи с другой женщиной, и вдруг с такой ясностью вспомнила недавнее прикосновение к своему виску, что её передёрнуло. Руслан увидел движение и поднялся со стула.

Он обошёл стол, привычно положил ладонь ей на плечо и попытался притянуть к себе, словно она плакала из-за неприятного разговора на работе. Катя вскочила слишком быстро, ударившись коленом о край столешницы, но боли почти не почувствовала. Муж потянулся следом, и она отступила к кухонному шкафу, выставив перед собой руку. — Не трогай меня, — сказала она, глядя на его ладонь. Руслан замер, потом тихо произнёс её имя, но Катя повторила уже отчётливее: — Я прошу тебя ко мне не прикасаться. — На его лице мелькнула обида, и от этого ей стало дурно. Он стоял перед ней с таким выражением, будто резкость её движения оказалась отдельной несправедливостью, которую им тоже следовало обсудить.

Катя вышла в ванную, закрыла дверь и упёрлась обеими

руками в край раковины. Несколько секунд она смотрела на хромированный слив, где задержалась нитка от мокрого полотенца, потом пустила холодную воду и подставила под неё ладони. Слёзы пришли неожиданно, когда она попыталась вдохнуть глубже; одна сорвалась с подбородка, другая скатилась под ворот кофты, и Катя сердито стёрла их мокрыми пальцами. В шкафчике за зеркалом стояли его бритва, её крем, запасная зубная щётка Егора. Восемь месяцев Руслан возвращался к этим вещам после Дианы, целовал жену, ложился рядом, спрашивал, не устала ли она, а Катя отвечала и ни о чём не подозревала. Она открыла кран сильнее, чтобы не слышать собственного неровного дыхания, и некоторое время просто стояла, дожидаясь, когда сумеет выйти.

Руслан ждал возле кухонного окна. Он успел налить воды и поставил стакан на то место, где она сидела, но сам больше не ел; бумажная упаковка хлеба была сдвинута к краю, нож лежал поперёк доски. Катя взяла стакан, сделала глоток и только тогда спросила, знает ли Егор о Диане. Муж отвернулся от окна и ответил не сразу, а потом произнёс, что не собирался ничего рассказывать ребёнку. Катя почувствовала, как пальцы сильнее сжали мокрое стекло. — Но он знает, — сказала она, и Руслан кивнул с раздражённым нетерпением, словно эту очевидную вещь пора было оставить позади. — Он уже достаточно большой, чтобы понимать, что у взрослых не всегда всё просто. Я объяснил ему, что нашей семье ничего не угрожает.

На мгновение обида поднялась и против сына. Катя увидела его недавнюю поспешную улыбку отцу, бумажный пакет с булочкой, осторожный взгляд на неё и подумала, что Егор всё это время знал, с кем встречается Руслан, пока она проверяет работы и ждёт их домой. Ей стало стыдно за эту мысль ещё до того, как она успела произнести что-нибудь вслух. Перед глазами возник сын под козырьком бассейна, с зажатыми в рукавах руками, а потом его пальцы на её шарфе и вопрос о том, уйдёт ли теперь отец. Катя поставила стакан, потому что больше не доверяла своим рукам, и спросила, зачем мальчик вообще участвовал в этих встречах. Руслан сразу возразил, что Егор ни в чём не участвовал: он занимался плаванием, как и раньше, и никто не мешал ему тренироваться.

— Пока он плавал, ты ездил к ней? — спросила Катя. Руслан ответил, что иногда встречался с Дианой в это время, ничего необычного в этом не видел и обычно успевал забрать сына без всяких затруднений. Катя напомнила про сегодняшнее ожидание, и муж поморщился, словно ему указали на единственную неудачу в целом разумном порядке вещей. — Сегодня задержался. Я уже сказал. Зачем возвращаться к одному и тому же? — Он снова сел за стол и потеребил край салфетки, а Катя осталась стоять. Она слушала, как он объясняет, что мальчик мог немного подождать, что она сама иногда опаздывает и что не всякая задержка означает равнодушие. Руслан ни разу не произнёс имени сына,

пока перечислял эти удобные обстоятельства.

— А ужины? — спросила Катя, дождавшись паузы. — Ваши разговоры после бассейна? Ты мне говорил, что вы сидели, обсуждали школу. Я тебя благодарила, Руслан. — Муж поднял на неё глаза и сказал, что они действительно разговаривали, она зачем-то смешивает одно с другим. Он проводил с Егором время, интересовался его делами, покупал нужные вещи и оставался его отцом независимо от того, что происходило с Дианой. Катя слушала этот перечень, узнавая каждую мелочь, которой сама оправдывала собственное беспокойство последние месяцы. Она радовалась, что сыну есть кому довериться, а теперь никак не могла отделить настоящие разговоры от часов, в которые мальчик сидел один и ждал, когда отец вернётся от другой женщины.

— Что ты велел ему говорить мне? — спросила она, и Руслан впервые не стал отвечать сразу. Он посмотрел на стакан, потом на её лицо и произнёс, что просил не устраивать лишних разговоров, пока сам во всём не разберётся. Катя спросила, означало ли это придумывать, где они были, и муж с раздражением ответил, что не давал сыну никаких сложных заданий. — Если спрашиваешь, почему поздно, можно сказать, что поели после тренировки. Тебе же спокойнее, когда ты знаешь, что он не голодный. — Катя почувствовала, как к лицу приливает жар. Она помнила один вечер, когда Егор вернулся якобы после такого ужина, а потом съел почти всё, что оставалось на плите. Именно тогда она начала задавать

вопросы, на которые сын не сумел ответить.

В тот вторник Катя успела приготовить котлеты и оставила их под крышкой, чтобы мужчины могли поесть, если вернутся голодными. Егор вошёл первым, бросил сумку возле ванной, а на вопрос об ужине ответил, что они заходили в кафе. Через полчаса она застала его на кухне с тарелкой, куда он положил сразу три котлеты, и удивилась, почему не наелся. Мальчик сказал, что долго ждал, потом поправился, что они долго ждали заказ, но тут же запутался в собственных словах. Катя ещё не сердилась, только спросила, что они заказывали и не оказалась ли еда невкусной. Руслан стоял возле холодильника, пил воду из высокого стакана и слушал, как сын всё неувереннее отвечает на самые обычные вопросы. Катя теперь вспомнила, что Егор несколько раз посмотрел именно на него.

Тогда муж отставил стакан и спокойно сказал, что никакого кафе не было: он приехал за сыном, не нашёл его у входа и потратил полчаса на поиски. Катя повернулась к Егору, увидела, как тот опустил вилку, и решила, что он окончательно запутался во вранье. Мальчик попытался возразить, произнёс что-то про ожидание, но Руслан перебил его замечанием, что пора отвечать за собственные поступки. После этого Катя уже не слушала толком. Она говорила о позднем времени, о договорённостях, о том, как можно не понимать, что родители волнуются, а потом запретила ночёвку у Кости, которую сын ждал всю неделю. Руслан стоял рядом и кивал.

Егор смотрел то на одного, то на другую, пока наконец не опустил голову и не перестал объяснять.

— Это ты ему сказал придумать кафе? — спросила Катя, возвращаясь взглядом к мужу. Руслан не ответил, и она повторила вопрос, назвав тот вечер, котлеты, его рассказ о поисках. Он раздражённо вздохнул и сказал, что попросил не вдаваться в подробности, но мальчик начал путаться, а она сразу завелась. Катя слышала его слова по отдельности, словно не могла соединить их в одно объяснение. — Ты его не искал? — произнесла она наконец. — В тот день ты тоже был с Дианой, а Егор ждал тебя? — Руслан помедлил и кивнул, добавив, что тогда задержка была совсем небольшой. Катя вспомнила, как сын пытался объяснить про ожидание, а она не дала договорить, потому что рядом стоял взрослый человек, которому она верила.

Она отодвинула стакан, боясь опрокинуть его, и села, прижав ладони к коленям. В ту ночь Егор лежал отвернувшись к стене, когда она зашла пожелать спокойной ночи, и Катя решила, что он обижен на заслуженное наказание. Она даже сказала, что не стоит дуться, если виноват, а сын натянул одеяло выше и ничего не ответил. Теперь это воспоминание было настолько ясным, что захотелось немедленно встать, пройти в его комнату и вернуть тот разговор к началу. Катя знала, что не сможет этого сделать, но всё равно несколько секунд смотрела на кухонную дверь, будто за ней находился именно тот сентябрьский вечер. Руслан что-то говорил о

том, что подобные вещи случаются в каждой семье, а она вспоминала собственный уверенный голос и Егора, которому не поверили ни после первой попытки объясниться, ни после второй.

— Ты стоял рядом, — сказала Катя, и муж замолчал, заметив, что она снова смотрит на него. — Ты слышал каждое слово. Я запретила ему ехать к Косте за то, что он рассказал мне по твоему указанию. Ты мог меня остановить. — Руслан выпрямился и ответил, что не он придумывал наказание, она сама решила именно так воспитывать сына. Катя почувствовала резкую боль в груди от этой спокойной готовности отделить себя от случившегося. — Ты сказал, что я права, — напомнила она. — Сказал, что ему полезно подумать. Ты ведь знал, что он не уходил, не заставлял тебя искать. — Муж пожал плечами, потом посмотрел на неё с нетерпением: — И что мне было делать, пока ты его воспитывала? При нём объяснять тебе всё про Диану? Ты бы от этого спокойнее стала?

Катя поднялась, не помня, как отодвинула стул. На короткое мгновение ей захотелось схватить стоявший на столе стакан и швырнуть в стену, чтобы Руслан хотя бы перестал разговаривать этим рассудительным голосом. Она даже потянулась к нему, но заметила в воде отражение кухонной лампы и убрала руку, сжав её в кулак. За дверью спал или пытался уснуть Егор, и Катя не могла сейчас устроить ему ещё один испуганный вечер. Вместо этого она отошла к окну, упёрлась ладонью в прохладный подоконник и несколько раз вдохну-

ла, не поворачиваясь к мужу. В стекле отражались стол, Русланова фигура и её собственное лицо с блестящими щеками. Он видел, что она плачет, но по-прежнему объяснял, почему у него тогда не было удобного способа сказать правду.

— А потом ты повёл его гулять, — сказала Катя, когда смогла снова заговорить. Муж ответил, что ребёнку действительно надо было успокоиться, и она повернулась к нему, вспоминая, как благодарно кивнула тогда, когда Руслан предложил взять сына с собой. Они вернулись минут через сорок, Егор держал недоеденный шоколадный батончик и уже не выглядел таким подавленным. Катя решила, что отец сумел подобрать нужные слова, и испытала облегчение, к которому примешалась обида: почему у него всегда получается быть ближе к сыну после её неприятных разговоров? Теперь она спросила, что он сказал мальчику на прогулке. Руслан ответил не сразу, а потом начал объяснять, что не хотел, чтобы Егор слишком переживал из-за её резкости.

— Я сказал, что ты устала и не надо принимать всё так близко к сердцу, — произнёс муж. — Что ты иногда перегибаешь, но всё равно его любишь. Что тут плохого? Мне надо было оставить его сидеть и реветь? — Катя слушала, чувствуя, как подступает тошнота. Она вдруг вспомнила и собственный разговор с Русланом после той прогулки: Егор ушёл спать, а она призналась, что устала быть дома единственным человеком, который напоминает об уроках, договорённостях и ответственности. Муж обнял её за плечи и

сказал, что подростки всегда сильнее обижаются на матерей, зато потом понимают, кто сколько для них сделал. Катя тогда прижалась к нему и попросила чаще разговаривать с сыном. Руслан пообещал, а она почувствовала благодарность.

— Я тебе жаловалась, — тихо сказала Катя, и муж поднял на неё глаза. — Говорила, что перестала его понимать. А ты уже знал, почему он не хочет со мной разговаривать. — Руслан нахмурился, собираясь возразить, но она продолжила, всё ещё удерживая ладонь на подоконнике: — Ты сначала велел ему соврать, потом оставил виноватым, а после объяснил, что мама придирается. И вечером слушал меня. Ты сидел вот здесь и слушал, как я боюсь потерять с ним близость. — Муж отвернулся, потёр затылок и сказал, что она сейчас нарочно собирает всё самое неприятное в одну историю. Катя смотрела на него и не могла понять, как ещё можно было соединить то, что происходило с ними в последние месяцы.

Руслан снова заговорил о том, что не собирался разрушать семью. Он любил сына, заботился о нём и вовсе не хотел причинять Кате боль; с Дианой получилось глупо, затянулось дольше, чем следовало, но теперь можно прекратить это и разобраться между собой. Катя слышала, как легко он предлагает закончить восемь месяцев своей другой жизни, будто от неё останется только неприятный разговор, который они со временем забудут. Она спросила, говорил ли он Егору, что семья сохранится, если мальчик промолчит. Муж помедлил и ответил, что объяснял ему необходимость не расстраивать

мать раньше времени. Катя вспомнила сына у бассейна, его виноватую просьбу забрать домой, попытку оправдаться её занятиями. Егор мёрз на улице и всё ещё старался выполнить отцовское условие, чтобы дома не произошло того, чего он так боялся.

— Он сегодня думал, что ты уйдёшь из-за его звонка, — сказала она. Руслан ответил, что мальчик неправильно понял, а она напугала его собственными расспросами и теперь только усиливает переживания. Катя закрыла глаза на секунду, почувствовав, как слеза скользнула к уголку рта, и вытерла лицо ладонью. Спорить о том, кто именно напугал Егора, больше не хотелось. Ей требовалось оказаться рядом с сыном и сказать, что она ему верит, хотя теперь даже это обещание казалось недостаточным после всего, что сама успела наговорить. Она вышла из кухни, не отвечая Руслану, и остановилась возле Егоровой двери. Муж позвал её, но Катя подняла руку, прося молчать, и осторожно нажала на ручку.

В комнате было темно, только свет из коридора лёг узкой полосой на край кровати. Егор спал на боку, уткнувшись щекой в подушку, и тихо дышал через приоткрытый рот; одна рука лежала поверх одеяла, вторая была спрятана под ним. На письменном столе остался бумажный пакет с булочкой, рядом светился поставленный на зарядку телефон. Катя постояла у двери, пока глаза не привыкли к полумраку, потом подошла и поправила одеяло, сползшее с плеча. Мальчик чуть пошевелился, нахмурился во сне, но не проснулся. Она

убрала руку и отошла, так и не позволив себе коснуться его волос, потому что боялась разбудить и начать говорить прямо сейчас, не умея ни остановить слёзы, ни объяснить случившееся спокойно.

Руслан стоял в коридоре, когда она вышла. Он посмотрел ей в лицо и тихо спросил, спит ли Егор, а Катя кивнула, прикрыв дверь до конца. Муж протянул руку, будто снова хотел коснуться плеча, но она отступила, и он остановился, сжав пальцы. Некоторое время они смотрели друг на друга среди привычных вещей: её сумки на тумбе, его пальто, повешенного поверх шарфа, школьной куртки сына, с которой ещё не до конца сошла сырость. Катя заметила на полу собственный лист с работой, затерявшийся под краем обувной полки, и не стала поднимать. Ей вдруг стало совершенно ясно, что сейчас она не сможет сделать привычное движение — вернуться вместе с мужем в спальню, лечь рядом и позволить ему обнять себя, пока он убеждает её, что всё ещё можно поправить.

— Я с тобой разведусь, — сказала Катя. Руслан посмотрел на неё сначала с недоверием, потом с раздражённой усталостью, словно услышал чрезмерную угрозу, которой жена решила закончить тяжёлый вечер. — Давай без этого, — произнёс он негромко. — Ты сейчас не понимаешь, что говоришь. Мы девятнадцать лет вместе. У нас сын, дом, жизнь… Из-за этой глупости ты хочешь всё разрушить? — Катя прислонилась плечом к стене и покачала головой. Она не чув-

ствовала ни облегчения, ни торжества от произнесённых слов; ей было больно смотреть на его лицо и слышать, как он снова называет случившееся глупостью. — Я не смогу с тобой жить, — ответила она. — Ты сегодня опять оставил его одного, приехал, принёс хлеб и начал объяснять, что я слишком устала. Ты даже сейчас не понимаешь, о чём я тебе говорю.

Руслан провёл рукой по волосам и предложил сначала выспаться. Утром они спокойно всё обсудят, Егор пойдёт в школу, никто не станет делать резких движений, а с сыном он поговорит сам и объяснит, что тому совершенно нечего бояться. Катя слушала и чувствовала, как знакомое обещание уладить неприятность опять пытается вернуть её к прежнему согласию. Она слишком часто позволяла Руслану разговаривать вместо неё, благодарная за возможность хоть ненадолго перестать быть строгой матерью. Когда муж сказал, что лучше объясниться с Егором прямо сейчас, пока тот не успел ещё что-нибудь себе придумать, Катя выпрямилась и встала перед дверью. Руслан посмотрел на неё с удивлением, будто не понял, зачем она мешает сделать очевидно полезную вещь.

— Он спит, — сказала Катя, стараясь, чтобы голос не разнёсся по коридору. Руслан ответил, что разбудит его всего на пять минут, и сделал шаг ближе, но она осталась на месте. — Нет. Ты его сейчас не будешь будить. — Муж нахмурился и напомнил, что это его сын, однако Катя впервые за весь раз-

говор не стала искать более мягкое объяснение. — Ты уже объяснял ему, почему надо молчать. Сегодня он уснул после того, как ждал тебя у закрытого бассейна и боялся ехать домой. Сейчас ты оставишь его в покое. — Руслан открыл рот, собираясь возразить, потом посмотрел на закрытую дверь и отступил. Катя не отошла сразу, пока он стоял рядом, и слышала, как неровно дышит, хотя старалась не показывать, чего ей стоит этот короткий разговор.

Она сказала, что к вопросам Егора они вернутся утром, когда он выспится и сам захочет говорить. Руслан ещё пытался убедить её, что нельзя оставлять ребёнка в неизвестности, но Катя только повторила, что ночью новых объяснений не будет, и попросила мужа сегодня лечь в гостиной. Он посмотрел на дверь спальни, затем на неё и с коротким раздражённым вздохом пошёл за подушкой. Ей хотелось сесть, хотелось плакать громко, не думая о том, услышит ли сын, хотелось хотя бы на несколько минут перестать помнить всё сразу. Вместо этого Катя дождалась, пока Руслан пройдёт мимо с постелью, и ещё раз прислушалась к тишине за Егоровой дверью. Разговаривать с мужем дальше она уже не могла, и он наконец перестал задавать вопросы.

В спальне осталась смятая половина покрывала там, где Руслан вытаскивал подушку. Катя села на край кровати, посмотрела на его пустое место и только теперь позволила себе согнуться, прижав ладони к лицу. По этой комнате предстояло ходить утром, здесь нужно было одеваться, искать ве-

щи, отвечать на обычные вопросы, и она пока не представляла, как справится даже с ближайшим днём. Когда дыхание немного выровнялось, Катя достала телефон и поставила будильник раньше обычного, чтобы успеть прийти в себя до того, как проснётся Егор. Потом положила телефон на тумбочку, легла на бок и повернулась лицом к приоткрытой двери. Она долго не закрывала глаза, прислушиваясь к коридору, чтобы услышать сына, если он выйдет.

Глава 3. Первое

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.